

УЧАСТНИК БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ СТАРШИЙ ЛЕКАРЬ 50-ГО ЕГЕРСКОГО ПОЛКА ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ ЯШЕВ¹

В преддверии 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года важное значение приобретает выявление и атрибуция портретных изображений генералов, офицеров, военных чиновников русской армии, сражавшихся на Бородинском поле, в том числе и тех, которые ранее не были известны широкому кругу исследователей. Об этом направлении научного поиска свидетельствуют многочисленные публикации ученых (историков, искусствоведов, музейных работников) в различных тематических сборниках, посвященных эпохе 1812 годаⁱ. В этой связи несомненный интерес представляет фотографический снимок Павла Ивановича Яшева, бывшего в 1812 г. старшим лекарем 2-го класса 50-го егерского полка, копия которого находится в Государственном архиве Пензенской области. Во-первых, потому, что до настоящего времени сохранилось незначительное число дагерротипов и фотографий, запечатлевших участников Отечественной войны 1812 года (фотография получила распространение в России лишь в 50-60-е годы XIX в., когда большинство ветеранов войны либо уже умерли, либо были глубокими стариками). К тому же в последние годы появился целый ряд публикаций на тему медицинского обеспечения русской армии в период войны 1812 года и персонификации военно-медицинского персоналаⁱⁱ.

О семье П.И. Яшева и дате его рождения известно немного. Из аттестата о его отставке, копия которого сохранилась в фонде Пензенского дворянского депутатского собрания ГАПОⁱⁱⁱ, видно, что он происходил из штаб-лекарских детей. Однако в нем отсутствует указание на его возраст, а свидетельство, содержащееся в метрической книге Введенской церкви с. Оленевки Пензенского уезда за 1873 г., о том, что Яшев умер в возрасте 95 лет, а следовательно, датой его рождения является 1778 г., представляется нам сомнительным, хотя и вполне возможным^{iv}.

При выборе жизненного пути Павел Иванович Яшев пошел по стопам своего отца. Очевидно, в 1802 г. он поступил в Медико-хирургическую академию в С.-Петербурге. В начале XIX в. обучение в этом учебном заведении продолжалось четыре года. Учащиеся первых двух классов назывались учениками, последних двух - студентами. За время обучения учащимся преподавали различные дисциплины. В первом классе они осваивали математику, физику, химию, ботанику, анатомию и физиологию. Во втором повторялось то, что изучалось ранее, и прибавлялись новые дисциплины: материя медика, искусство писать рецепты, патология и терапия. В третьем классе повторялись ботаника, терапия и патология и присоединялась хирургия. В четвертом повторяли хирургию и изучали повивальное искусство и судебную медицину. Получение теоретических знаний сопровождалось приобретением практических навыков. Кроме того, учащиеся младших классов по своему желанию занимались рисованием, а с 1805 г. в учебную программу было включено изучение латинского и немецкого языков. Окончившие курс обучения в академии получали звание кандидатов хирургии и еще год должны были заниматься в госпиталях. Только после этого они выпускались лекарями. Такой порядок на деле 4-летнее обучение в академии превращал в 5-летнее^v.

В начале сентября 1806 г. «по выслушании курса наук» в Медико-хирургической академии П.И. Яшев в звании кандидата медицины и хирургии был направлен в Санкт-Петербургский военный госпиталь. Однако вскоре, уже в конце сентября того же года, он поступил на службу младшим лекарем 2-го класса в Литовский мушкетерский полк. Ускоренное производство в лекари, без сомнения, следует связать с предстоявшей военной кампанией с наполеоновской Францией и необходимостью заполнить вакансии полковых медиков. Литовский мушкетерский

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Власть и общество в российской провинции в эпоху Отечественной войны 1812 года (по материалам пензенской губернии)», проект № 11-11-58004а/В

полк, в котором оказался Яшев, входил в состав 3-й дивизии генерал-лейтенанта Ф.В. фон дер Остен-Сакена. Его шефом был генерал-майор Ф.А. Ушаков 1-й, а командовал полком подполковник А.И. Бистром 2-й^{vi}. В ходе кампании Литовский мушкетерский полк не раз встречался с французами на поле боя. Он сражался под Пултуском, Прейсиш-Эйлау, Гутштадтом, Гейльсбергом и Фридландом. П.И. Яшев находился вместе с полком, оказывая необходимую медицинскую помощь раненым и больным и получая неоценимый профессиональный опыт. После окончания военных действий он был произведен в лекари 1-го класса.

В июле 1808 г. Литовский мушкетерский полк был направлен в Финляндию, где принял участие в русско-шведской войне 1808-1809 гг. Полк вошел в отряд под командованием генерал-майора Ф.А. Ушакова 1-го, которому было поручено поддержать наступление войск графа Н.М. Каменского в направлении на Кухоиоки и отрезать неприятеля, располагавшегося на береговой дороге Ботнического залива. П.И. Яшев, находившийся вместе с полком, сражался при Нумиарви, Кухоиоках, Оровайсе^{vii}.

В октябре 1810 г. в связи с переформированием пехотных дивизий Литовский мушкетерский полк был переименован в 33-й егерский, где Яшев и продолжил службу. В декабре 1811 г. он был определен во вновь сформированный 50-й егерский полк, вошедший в состав 27-й пехотной дивизии генерала Д.П. Неверовского. 1 марта 1812 г. «за отличное исправление должности в течение 1811 года» П.И. Яшев был произведен в старшие лекари 2-го класса.

В начале Отечественной войны 1812 года Яшев, очевидно, не находился в полку, а отступал от российских границ в составе 1-й Западной армии, что видно из его формулярного списка. 15 июля при отходе русских войск от Витебска он принял участие в бою на р. Лучесе, где аррьергард под командованием генерал-майора графа П.П. Палена (лейб-гвардии Гусарский и лейб-гвардии Казачий полки, два гусарских, три драгунских полка, Польский уланский полк, лейб-гвардии Конная артиллерия и 7-я конная рота, усиленные пятью егерскими полками) в течение дня сдерживал натиск наступавших французских войск. В этом сражении П.И. Яшев был ранен пулей в правую руку.

Поручик 3-й легкой роты 2-й артиллерийской бригады И.Т. Радожицкий, получивший ранение при Витебске, оставил описание того, как оказывалась медицинская помощь раненым и делались операции и ампутации. «14 июля, - писал он, - господа городовые хирурги... не замедлили явиться к нам - с инструментами. Тогда показались они мне страшнее французской кавалерии. Синий фрак и пудренный парик главнейшего оператора с длинным носом несколько ночей сряду снились мне ужасными приведениями. Хирурги обратились сперва к Тутолмину (поручик Елецкого пехотного полка.- С.Б.), ободрили его, обласкали, дали каких-то капель, потом посадили на стул и стали развязывать руку. Я с постели своей устремил внимательные взоры на происходящее. Резатели обмыли рану, из которой клочьями висело мясо и виден был острый кусок кости. Оператор в пудреном парике вынул из ящика кривой нож, засучил рукава по локоть, потом тихонько приблизился к поврежденной руке, схватил ее, и так ловко повернул ножом выше клочьев, что они миглом отпали. Тутолмин вскрикнул и стал охать; хирурги заговорили, чтобы шумом своим заглушить его, и с крючками в руках бросились ловить жилки из свежего мяса руки; они их вытянули и держали, между тем пудренный оператор стал пилить кость. Это причиняло, видно, ужасную боль: Тутолмин вздрагивал, стонал и, терпя мучение, казался изнеможенным до обморока; его часто вспрыскивали холодной водою и давали ему нюхать спирт. Отпиливши кость, они подобрали жилки в один узелок и затянули отрезанное место натуральной кожей, которая для этого была оставлена и отворочена; потом зашили ее шелком, приложили компресс, увязали руку бинтами - и тем кончилась операция»^{viii}.

В дальнейшем П.И. Яшев находился в «ретираде» под Смоленск и Вязьму, где, очевидно, он и присоединился к полку. 25 и 26 августа Яшев участвовал в «действительном с неприятелем сражении» при с. Бородине. В его формулярном

списке не упоминается об участии в Шевардинском бою 24 августа, но указано 25-е число. Батальонный адъютант 50-го егерского полка Н.И. Андреев отмечал, что 25 августа «во всей армии было тихо кроме нас». Полк «был несколько раз в стрелках и много потерял, а 49-й еще и более нас, - писал он. - На левом фланге стрелков никто не замечал, а у нас в бригаде едва ли осталось по 30 человек в роте»^{ix}. В день Бородинского сражения 50-й егерский полк входил в состав егерского отряда полковника А.С. Глебова 1-го и располагался цепью впереди боевых построений русских войск в кустарниках вдоль ручья Каменки, защищая подступы к батарее Раевского. Из 699 нижних чинов к 27 августа в строю остались лишь 213^x.

Обе армии понесли в Бородинском сражении большие потери. Особенно много было раненых, что отмечали и русские, и французские источники. Главный хирург Великой армии Д.-Ж. Ларрей писал: «Я делал трудные операции без перерыва до поздней ночи следующего дня... Раны, полученные в этом сражении, были тяжелые, так как почти все они были причинены артиллерийским огнем, раны от ружейных пуль были получены в упор и на очень близком расстоянии... Большая часть артиллерийских ран требовала ампутации»^{xi}. Русские медики «примерно перевязывали раны всякого рода и делали разные операции раненым при деревне Бородине... как вышним, так и нижним чинам, невзирая на разность полков»^{xii}. «Главная перевязка наших раненых производилась при большой дороге на половине расстояния от с. Горки к с. Татаркам, - отмечал Н.Н. Муравьев. - Из собранных лекарей и священников первые резали члены, другие же с крестом и Евангелием увещевали к смерти тех, которые не подавали более надежды к жизни»^{xiii}. Прапорщик лейб-гвардии Артиллерийской бригады А.С. Норов, получивший тяжелое ранение при Бородине, вспоминал: «Наконец достигли желаемого места возле какого-то сарая, перед которым вся лужайка была занята сидевшими и лежавшими ранеными, терпеливо ожидавшими, когда дойдет до них очередь. Доктора, с засученными рукавами, выпачканными кровью, подбегали то к одному, то к другому; кучи отрезанных членов лежали в разных местах»^{xiv}.

В конце сентября 1812 г. П.И. Яшев был произведен в штаб-лекари. В Тарутинском лагере личный состав 50-го егерского полка поступил на усиление других полков, а кадры были отправлены на переформирование к генералу Д.И. Лобанову-Ростовскому. До конца 1812 г. Яшев принял участие в сражениях под Тарутиным, Малым Ярославцем, Красным, Борисовым. За участие в боевых действиях он был награжден серебряной медалью в память Отечественной войны 1812 года на Андреевской ленте.

18 декабря 1812 г. П.И. Яшев был переведен в лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк, в составе которого участвовал в заграничных походах русской армии. За «примерное отличие в подании помощи больным и раненым» в сражениях при Люцене и Бауцене он был пожалован в коллежские асессоры. В 1813-1814 гг. Яшев сражался под Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом, Арси, Фер-Шампенуазом, находился при взятии Парижа. За «усердные труды и отличную деятельность, оказанные в пользовании больных и раненых он был помещен на 750-рублевый оклад.

В 1817 г. П. И. Яшев был уволен от военно-медицинской службы с правом ношения штаб-лекарского мундира и вскоре определен инспекторским помощником в Московское отделение Медико-хирургической академии. В 1821 г. он был произведен в надворные советники, а в 1825 г. - в коллежские советники. 13 февраля 1826 г. «за отличные труды и усердие к службе» П.И. Яшев был пожалован кавалером ордена Св. Анны 3-й степени. В июне 1827 г. он получил серебряную медаль, установленную в память вступления армий 19 марта 1814 г. в Париж^{xv}.

Еще находясь на службе, вероятно, в 1824 г. П.И. Яшев женился на дочери пензенского помещика, коллежского советника Семена Алексеевича Охлебнина Авдотье Семеновне. В 1825 г. у них родилась дочь Аграфена, через год - сын Михаил, который вскоре умер.

Семья Охлебниных была достаточно известна в Пензенской губернии. Семен Алексеевич Охлебинин (около 1753 - ?) являлся крупным помещиком. Он на

протяжении семнадцати лет находился на военной службе, участвовал в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. и походах в Польшу против конфедератов, дослужился до чина секунд-майора. В 1782 г. С.А. Охлебинин поступил ассессором в гражданскую палату Пензенского наместничества, затем длительное время был в этой же палате советником, служил советником и в Пензенской казенной палате^{xvi}. Известный мемуарист первой половины XIX в. Ф.Ф. Вигель, отличавшийся особой язвительностью по отношению к врагам и недоброжелателям своего отца, пензенского губернатора Ф.Л. Вигеля, к которым, очевидно, относился и С.А. Охлебинин, дал ему следующую неллицеприятную характеристику: «Нравом, сердцем, правилами и поступками, равно как и лицом, фигурой, взглядом и голосом я не знавал человека хуже Семена Алексеевича Охлебинина. В нем одно совершенно отвечало другому и равно было гнусно и отвратительно. Распространяться об нем я много не буду, опасаясь, чтобы не стошнилось, а скажу только о необыкновенном способе, который употреблял он для стяжания себе богатства. Он заводил тяжбы со всеми соседями, преимущественно же с мелкими дворянами; когда он приводил их в отчаяние, то мирился с ними не иначе как с условием уступить ему их малые участки за низкую цену, которую он сполна не выплачивал, и они отступались от нее, чтобы от него как-нибудь отвязаться. Когда у других шел спор об имении, то с предложениями о покупке его он обращался единственно к тем, кои лишались надежды выиграть дело, и таким образом за самую умеренную цену приобретал поместье и процесс. Этот ябедник действовал не подкупом, а страхом; он во всех судах был ужас и бич присутствующих, секретарей и понытчиков. Когда мы приехали в Пензу, говорили, что у него в одно время было тридцать два процесса. Такие люди редко бывают щекотливы, а этот еще требовал уважения: дело невозможное для человека с честью, каков был отец мой»^{xvii}. «Досталось» от Вигеля и семье Охлебинина: «Многочисленное семейство его было примечательно родовым, наследственным своеобразием. Жена его никуда не показывалась: какая-то ужасная болезнь, коей начало приписывали сожитию ее с мужем, до того изуродовала лицо ее, и так уже весьма некрасивое, что лишила даже носа. Из его детей мне особенно памятна одна дочь его, Авдотья, которую, по преувеличенным пропорциям тела ее, сами родители прозвали Дунаем и у которой была удивительная страсть ловить мух и глотать их. Со взором дикого зверя, имела она туловище коровы и птичий вкус: ламайские язычники могли бы почесть ее божеством»^{xviii}.

Конечно, подобная характеристика, данная Вигелем, весьма предвзята, но все-таки можно заключить, что Охлебинин был достаточно богат, сделав себе состояние подчас далеко не честным путем. И Яшев, женившись на его дочери, мог получить за ней большое приданое.

Так или иначе, 26 октября 1827 г. П.И. Яшев был уволен из Московского отделения Медико-хирургической академии по собственному желанию. В данном ему аттестате отмечалось, что «во время продолжения службы своей возложенную на него должность исправлял с отличным усердием и вел себя весьма похвально»^{xix}. Очевидно, именно к этому времени относится переезд семьи Яшевых в Пензу, где Авдотье Семеновне на праве наследования принадлежал большой каменный дом на Верхней Пешей улице, в котором было восемь комнат и еще две «в антресолях». Рядом располагался каменный флигель, состоящий из четырех комнат. На дворе особо находились кухня и людская изба. Здесь же был и «плодоносный» сад^{xx}. Вскоре глава семейства приобретает недвижимое имение в д. Колюпановке Пензенского уезда и покупает крестьян у разных помещиков (в 1830 г. у камер-юнкера В. Желтухина, в 1831 г. у штабс-капитанши М. Симбугиной, в 1833 г. у подпоручика Н. Охлебинина). По 8-й ревизии (1834 г.) за Яшевым уже числилось 146 душ крепостных крестьян мужского пола и 149 - женского^{xxi}.

В феврале 1833 г. статский советник и кавалер П.И. Яшев подал прошение в Пензенское дворянское депутатское собрание с просьбой внести его в дворянскую родословную книгу Пензенской губернии, так как за ним состоит недвижимое имение в Пензенском уезде, а также исключить его из дворянской родословной книги

Московской губернии. В апреле того же года он был включен в 3-ю часть Пензенской дворянской родословной книги, куда входили роды, получившие дворянство на гражданской службе^{xxii}.

О жительстве П. И. Яшева в Пензенской губернии известно немного. В июле 1837 г. губернским предводителем дворянства он был назначен для приема изделий на организуемую в Пензе выставку и денег, пожертвованных различными лицами на ее проведение^{xxiii}.

В 1845-1846 гг., когда перестраивалось здание дворянского депутатского собрания, пензенское дворянское общество для своих нужд взяло в аренду дом Яшевых.

4 августа 1855 г. в имении П.И. Яшева, в д. Колюпановке Пензенского уезда, произошел сильный пожар. Сгорело 34 крестьянских двора, шесть дворов вольноотпущенных Яшевым крестьян и шесть солдатских келий. В огне погибло четыре человека: отставной 98-летний солдат Федор Иванов и трое детей. В умышленном поджоге обвинялся бродяга, задержанный сотским соседнего села Бо-рисовки и при допросе назвавший себя коллежским регистратором Иваном Тяжёловым, который якобы уже в течение трех лет посещает святые места. Однако это обвинение подтверждений не нашло^{xxiv}.

В октябре 1857 г. дом статского советника П.И. Яшева на углу Дворянской и Поперечно-Покровской улиц (а к этому времени владельцем дома значился уже сам глава семьи) был куплен пензенским семинарским правлением для размещения в нем духовного училища. В новом здании училище пробыло меньше года. Когда 29 июля 1858 г. во флигеле духовной семинарии случился пожар, она была переведена в бывший дом Яшева и располагалась там с 1858 по 1867 г. Именно в эти годы в Пензенской духовной семинарии учился будущий известный российский историк В.О. Ключевский^{xxv}.

Павел Иванович Яшев умер 9 июня 1873 г. от удущья, как значится в метрической книге в возрасте 95 лет, и был погребен при Введенской церкви в с. Оленевка Пензенского уезда^{xxvi}.

К последнему десятилетию жизни П.И. Яшева относится его фотографический снимок, сделанный в фотоателье екатеринбургского мещанина Ивана Васильевича Асанова, открытом в Пензе 28 августа 1864 г.^{xxvii} На снимке изображен пожилой мужчина в возрасте более 80 лет во фраке, сидящий в кресле со скрещенными ногами. Руки лежат на подлокотниках и сцеплены в замок. На левой руке надета перчатка, что, возможно, свидетельствует о физическом дефекте портретируемого (уж не от ранения ли в руку в сражении на р. Лучесе). На левой стороне груди располагается орденовая колодка, состоящая из ордена Св. Анны 3-й степени и трех медалей. Фотография снята в интерьере провинциального фотоателье. Ее особенностями следует признать вальяжную позу модели и отсутствие пейзажного задника. Размер фотографии типичен для размера визитной карточки.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ См., напр.: *Анфилатов В.Е.* Военный портрет в миниатюре из собрания Бородинского музея-заповедника // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIII Всерос. науч. конф. Бородино, 5-7 сентября 2005 г. М., 2006. С. 120-128; *Шавенков П.В.* Братья Шереметевы - участники Бородинской битвы и их портреты в нижегородских музеях // Там же. С. 129-135; *Ляпшиев Г.В.* Участник Бородинского сражения Александр Сергеевич Шкурин: Биография и иконография // Там же. С. 136-142; *Анфилатов В.Е.* Материалы к атрибуции живописного портрета П.П. Конов-нищына из коллекции Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIV Всерос. науч. конф. Бородино, 4-6 сентября 2006 г. М., 2007. С. 90-95; *Шавенков П.В.* Портреты неизвестных участников Отечественной войны 1812 г. в нижегородских музеях: историко-предметная атрибуция // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. VII: Сб. материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. М., 2008. Вып. 179. С. 227-236; *Белоусов С.В., Букреева Е.М.* Еще один портрет в галерее участников Бородинского сражения: Евграф Николаевич Струйский // Бородино в истории и культуре: Материалы Междунар. научной конф. Бородино, 7-10 сентября 2009 г. Можайск, 2010. С. 116-134; *Белоусов С.В.* Пензенские дворяне в Отечественной войне

1812 года: Александр Николаевич Струйский // Проблемы российской и социальной истории: сб. науч. ст. Самара, 2011. С. 142-152.

- ⁱⁱ См., напр.: *Баранов А.А.* Медицинское обеспечение армий в 1812 году // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. I: Сб. материалов: К 190-летию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. М., 2002. Вып. 132. С. 105-124; *Будко А.А.* Российские военные медики в Заграничном походе русской армии в 1813-1814 гг. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы X Всерос. науч. конф. Бородино, 3-5 сентября 2001 г. М., 2002. С. 52-57; *Проскурин Б.М.* Медики и медицина в России в первой четверти XIX столетия // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы X Междунар. науч. конф. Москва, 26-27 апреля 2007 г. М., 2007. С. 211-225; *Он же.* К проблеме оказания помощи раненым в эпоху наполеоновских войн // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы Междунар. научн. конф. Москва, 23 апреля 2009 г. М., 2009. С. 130-144; *Он же.* Об армейских болезнях в начале XIX в. // 1812 год: Люди и события великой эпохи: Материалы Междунар. науч. конф. Москва, 23 апреля 2010 г. М., 2010. С. 109-120; *Карташов В.С.* Доктор Уфимского пехотного полка Михаэль Ранг // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2009. С. 50-52; *Он же.* Бронзовая медаль аптекаря Циммермана // 1812 год. Люди и события великой эпохи. М., 2010. С. 22-24.
- ⁱⁱⁱ Государственный архив Пензенской области. Ф. 196. Оп. 2. Д. 3805. Л. 2-3. (Далее - ГАПО).
- ^{iv} Там же. Ф. 182. Оп. 6. Д. 149. Л. 257об-258.
- ^v Столетие Военного министерства, 1802-1902. Вып. IX: Императорская военно-медицинская (медико-хирургическая) академия. СПб., 1902. С. 41-42.
- ^{vi} *Васильев А.А.* Состав союзных войск при Эйлау // Император. 2007. № 11. С. 10.
- ^{vii} *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808-1809 годах. СПб., 1841. С. 213, 245-250.
- ^{viii} *Радужицкий И.Т.* Походные записки артиллериста // Император. 2007. № 11. С. 47.
- ^{ix} Воспоминания Н.И. Андреева // Рус. архив. 1879. №3. С. 191.
- ^x *Подмазо А.А.* Пятидесятый егерский полк // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. С. 597.
- ^{xi} Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев: В 2 кн. М., 2004. Кн. 1. С. 222.
- ^{xii} Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 276-277.
- ^{xiii} *Муравьев Н.Н.* Записки // Русские мемуары: Избр. страницы. 1800-1825 гг. М., 1989. С. 119.
- ^{xiv} *Норов А.С.* Воспоминания // России двинулись сыны. М., 1988. С. 360.
- ^{xv} ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 3805. Л. 2-3.
- ^{xvi} Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 104. Л. 19об-20; Ф. 5. Оп. 1. Д. 194. Л. 19; «Снабдить... для умножения порядка всякого...» (Из истории управления Пензенским наместничеством): Сб. документов. Пенза, 2009. С. 175.
- ^{xvii} *Вигель Ф.Ф.* Записки: В 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 202.
- ^{xviii} Там же.
- ^{xix} ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 3805. Л. 2-3.
- ^{xx} Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 328. Л. 20-20об.
- ^{xxi} Там же. Ф. 60. Оп. 4. Д. 286. Л. 616об-626.
- ^{xxii} Там же. Ф. 196. Оп. 2. Д. 3805. Л. 1-1об, 9-9об.
- ^{xxiii} Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2127. Л. 178-178об.
- ^{xxiv} Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 306.
- ^{xxv} *Е. Р.* Пензенское духовное училище // Пензенские епархиальные ведомости. 1893. №23. С. 922; 1894. № 2. С. 61; *Дворжанский А.И.* История Пензенской епархии. Пенза, 1999. Кн. 1. С. 108.
- ^{xxvi} ГАПО. Ф. 182. Оп. 6. Д. 149. Л. 257об-258.
- ^{xxvii} Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4918. Л. 19об.